

Научная статья
УДК 811.512.31
DOI: 10.18101/2305-459X-2020-4-98-103

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА БУРЯТСКИХ СКАЗОК

© **Цырендоржиева Баирма Дамбиевна**

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
bairma_11@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается структурно-семантическая характеристика текста бурятских сказок. Автором выделены средства организации текста с точки зрения типичных синтаксических конструкций, средств межфразовой связи, оформляющих структуру бурятской сказки в начале, основной части и концовке текста. Кроме того, выявлены средства когезии, а также различные языковые средства, которые выполняют функцию продвижения информации в текстах бурятских сказок: местоимения и слова местоименного происхождения, инфинитные и финитные формы сказуемых, выраженные разными глагольными формами, частицы, а также слова и сочетания, отражающие определенный период повествования и смену действий в сюжете сказки. Выявленные характерные структурно-семантические признаки бурятского сказочного текста можно использовать при обучении детей бурятскому языку. В частности, при развитии творческих способностей обучающихся по продуцированию текстов собственного сочинения, т. е. созданию вторичных бурятских текстов.

Ключевые слова: структура бурятской сказки; организация текста; средства межфразовой связи; продвижение информации.

Для цитирования

Цырендоржиева Б. Д. Структурно-семантические особенности организации текста бурятских сказок // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. Вып. 4. С. 98–103.

Бурятские сказки не раз становились объектом различных исследований с точки зрения их культурологического, лингвистического, образовательного потенциала (И. Б. Нимаева, Б. Д. Цыренов, Г. М. Тарбаева и др.) [5; 8; 9]. Кроме того, в арсенале исследователей-филологов есть опыт изучения сказок монгольских народов (Э. У. Омакаева, Ц. Б. Селеева и др.) [6; 7]. Вместе с тем интерес для нас представляет организация текстового материала бурятских сказок как одной из составляющих фольклорного текста монгольских народов, а именно: какие средства когезии используются в текстах бурятских сказок, чем отличается структура его микротекстов, как осуществляется продвижение информации в бурятских сказках, какие специфические языковые средства используются в рассматриваемом фольклорном материале. Важность изучения данных структурно-семантических параметров обусловлена тем, что выявление основных характерных признаков бурятского сказочного текста позволит

учитывать и использовать их при обучении детей бурятскому языку. В частности, при развитии творческих способностей обучающихся по продуцированию текстов собственного сочинения, т. е. созданию вторичных бурятских текстов [4, с. 142; 2].

В качестве материала исследования были взяты тексты преимущественно бытовых сказок — ажабайдал тухай онтохонууд [5].

Анализ языкового материала показал, что наиболее типичными синтаксическими конструкциями, а также средствами межфразовой связи, оформляющими структуру бурятской сказки, являются следующие модели:

Зачин (начало) сказки оформляется чаще всего: *урдын урда сагта, урда хада, урда сагта, эртын урда сагта, урданай үни үнгэрһэн сагта... байба/байһан байгаа/һууһан юм гэхэ/ажаһууһан гэхэ/байгаа һэн гэдэг и т. д.*

Вместе с тем встречаются отдельные тексты, когда в зачине обозначается лишь время, т. е. то, что события, происходящие в повествовании, относятся к какому-то неопределенному давнему времени (1) *Эртэ урда нэгэ сагта бэлэй.* (2) *Эхэ эсэгын гурбан хүбүүд байгаа.* (3) *Хамта ябадаг һэн / В давние времена было. Жили три сына родителей. Вместе ходили.* При этом персонажи сказок вводятся в следующем предложении *гурбан хүбүүд — три сына.*

В этом примере зачина интересным является также то, что лаконичные предложения в нем не связаны формальными языковыми средствами, однако первое предложение описывает время событий, второе предложение — персонажей, а третье предложение — описание их самой важной характеристики, а именно то, что они ходили всегда вместе. Вместе с тем надо полагать, что краткость предложений позволяет рассказчику достаточно быстро ввести героев повествования и перейти к главным событиям в сказке — к описанию их действий, а также непосредственному диалогу между персонажами, который характеризует определенную речевую ситуацию.

Вместе с тем надо отметить, что встречаются сказки, которые по зачину схожи с началом бурятских народных эпических произведений — улигеров — *сагай сагта, сахилзаани хүхэдэ, саарһанай нимгэндэ, саазанай сулада һэн ха / 'в давнее время, когда ирис цвел, когда бумага была тонкой (не значимой), когда казнь была слабой'.* Однако, в отличие от улигеров, подобные зачины очень редки и достаточно лаконичны.

Характерными средствами, которые оформляют **основную часть** повествования текста сказки, являются в большинстве случаев местоимения, сочетания со словами местоименного происхождения: *тиихэдэнь* 'когда сделал (-а, -и) так', *тиижэ байтарынь* 'пока делал (-а, -и) так', *тэрээнһээ хойшо (хэдэн үдэр үнгэрбэ)* 'с тех пор (прошло несколько дней)', *тиижэ ябатараа* 'в это время (пока шел/ехал)', *тиигээд* 'затем (букв., сделав так)', *тэрэнэй һүүлдэ* 'после этого', *тин (яба ябаһаар)* 'так шли-шли' и т. д. При этом надо отметить, что все вышеперечисленные слова и сочетания занимают позицию начала предложения. То есть они одновременно выполняют и анафорическую функцию — отсылая нас к предшествующему контексту, и катафорическую функцию — начальная позиция в предложении сигнализирует читателям (слушателям) о том, что сейчас произойдет смена действий (или начало новых действий).

Достаточно часто встречается слово *нэгэтэ* ‘однажды’ (или реже *нэгэтэ нэгэ үдэр* ‘однажды в один день’), которое по функции совпадает со словами местоименного происхождения с той лишь разницей, что акцентирует внимание читателя/слушающего на времени и неожиданности наступивших далее событий (действий). Как показывает анализ использования данного слова, оно зачастую начинает микротекст основного содержания сказки.

Повествование сказки, а именно начало новой микротемы, зачастую продолжается/начинается также с помощью сочетаний *нэгэ хэды хоноод* ‘через несколько дней (суток)’, *хоёр хоноод байхада* ‘через двое суток’, *гурбан жэл болоһон хойно* ‘когда прошло три года’, *хэдэн жэлэй үнгэрһэн хойно* ‘когда прошло несколько лет’. При этом в сказках наблюдается так называемое сжатое время, когда с помощью данных сочетаний (больше указателей того, что прошло определенное время лет) сразу передают в повествовании период времени от нескольких дней до нескольких лет.

Нельзя не остановиться на сочетаниях, которые содержат в своем составе аффиксы личного притяжания *хойто үглөөнийнь* ‘на следующее (после этого) утро’, *хойто үдэрийнь* ‘на следующий день (после этого)’, *хойто жэлдэнь* ‘на следующий год (после этого)’, *үглөөдэрийнь* ‘на следующее утро (после этого)’. Во всех представленных примерах аффиксы личного притяжания выполняют функцию свертывания или компрессии информации, когда описанные накануне события в тексте сказки свертываются до аффикса притяжания. Этот показатель встречается достаточно часто, и он является специфичным средством организации бурятского текста практически во всех сферах общения (кроме официально-делового).

Что касается глагольных форм, которые наиболее часто употребляются в текстах сказок, однозначно доминируют формы прошедшего времени глагола на *-ба* (хөөрэбэ, хэлэбэ, ерэбэ и т. д.), а также реже используются формы на *-аа* (һуугаа, бэлдээ, хэлээ и т. д.), которые выполняют в текстах функцию передачи быстро сменяющихся друг друга действий: (1) *Энэ үедэнь нэгэ залуу хүбүүн мори унаад, горхоной эрьедэ мал адуулжа ябаба.* (2) *Малшан хүбүүн хубсаһаа тайлаһаар уһа ойможо, тэрэ хайрсаг абажа, эрьедэ гаргаба.* — (1) ‘В это время молодой парень верхом на лошади на берегу реки пас скот’. (2) ‘Молодой скотовод снял одежду, зашел в воду, взялся за ящик и вытащил его на берег’.

В дополнение к вышеуказанным формам в этом примере функцию смены действий в рамках одного предложения передают инфинитные сказуемые, выраженные причастными и деепричастными формами (*мори*) *унаад* ‘верхом на лошади (оседлав лошадь)’, *хубсаһа тайлаһаар* ‘сняв одежду’, *уһа ойможо* ‘зайдя в воду’, *хайрсаг абажа* ‘взялся за ящик’. Обращает на себя тот факт, что в первом из представленных предложений форма *унаад* ‘оседлав’ передает действие, которое протекает одновременно с финитным сказуемым *адуулжа ябаба* ‘пас скот’. Тогда как во 2-м предложении *тайлаһаар* ‘сняв’, *ойможо* ‘зайдя (бродя по воде)’ показывают действия, которые происходили последовательно (одно действие после другого) перед основным действием, выраженным финитным сказуемым *гаргаба* ‘вытащил’. Необходимо отметить, что такого рода смена действий выполняет функцию некоторого замедления повествования

(время немного как бы приостанавливается, задерживается на персонаже — *залуу хүбүүн*), а затем ускоряется при быстрой смене выполненных им действий.

В текстах сказок функцию передачи динамики действий также передают формы настоящего времени глагола *-на* (*нуулгана, гэнэ, ябана, хэнэ, харуулна и т. д.*) *Дурата дурагуйгөөр Хэшэхэнэй хүүртэ ороно. Хүшэхэнээ абаашажа, тэрэ нарһандаа уяна* ‘Еле согласился на уговоры Сильного. Отвез он Сильного (в лес) и подвесил к сосне’.

Кроме вышесказанных глагольных форм, в тексте сказки обращает на себя внимание частотное использование сочетаний глагольной формы прошедшего времени с утвердительной частицей *ха*, выражающей предположение *залабад ха* ‘стали указывать (по-видимому)’, *хатуу хуули эсхэбэ ха* (по-видимому) ‘принял жесткое решение (букв. скроил строгий закон)’, *үгытэй хүнэйдэ эльгээбэ ха* ‘отправил к бедным людям’. В такого рода сочетаниях за счет использования частицы *ха* возникает эффект присутствия рассказчика (я-говорящего) в повествовании, который одновременно передается в опосредованной форме слушающему.

Использование различных глагольных форм в текстах сказок также показывает, что деепричастные и причастные обороты, оформленные, как правило, инфинитными сказуемыми, участвуют в текстовом механизме — контаминации, а именно развертывании информации.

Будамшуу даагай сэсэн хүн гэжэ хүн зон дуулаһан байгаад, туршажа үзэхын түлөө төөлэй табижа үгэхэ болобо, хажуудань хабшажа мяха үгыгөөр Будамшуу даа төөлэйнэ хүндэдэг ёһоор хүндөөд, залаха ёһоор болгоод, баруун гараараа барижа абаад, зүүн гараа харбайлгажа баряад:

— *Май!* — *гэжэ гартаа үгөөд, — би аянай хүнби. Энэ төөлэйгөө хүндэ залажа үгөөд, хооһоор хонохо аргамгүй, хажуудань хабшаа мяхаш үгы юм байна даа. Нэгэ гарһаан нүгөө гартаа залаба гэшэб, — гэжэ хэлээд, төөлэйнэ хуу мүлжэжэ эдижэрхибэ.* ‘Все давно слышали и знали о находчивости Будамшуу. И вот решили испытать его. Поставили перед ним только *төөлэй* — баранью голову и никакого другого мяса. Будамшуу разделал *төөлэй* по всем правилам, а потом по обычаю должен был передать его другим, чтобы все отведали. Он взял *төөлэй* в правую руку и, сказав «На», с правой руки переложил его в левую’.

«— Я, в дороге путник, если я преподнесу эту голову другому, то останусь голодным. Поскольку кроме *төөлэй* не подали другого мяса, я вынужден переложить (голову) с одной руки в другую, — сказал он и обглодал всю голову». В этом примере мы наблюдаем, как за счет использования деепричастных форм разворачиваются события в тексте сказки (*хүн зон*) *дуулаһан байгаад, туршажа үзэхын түлөө дуулаһан байгаад, табижа үгэхэ (болобо), (Будамшуу даа) хүндөөд, болгоод, барижа абаад, харбайлгажа баряад, үгөөд, хэлээд, мүлжэжэ (эдижэрхибэ).*

Интерес вызывает структура выстроенного сверхфразового единства, которое состоит из одного достаточно протяженного предложения, включающего целый ряд инфинитных сказуемых. Нужно подчеркнуть, что подобного рода пред-

ложения редко встречаются в устной речи, они, как правило, характеризуют бурятскую письменную речь. В частности, письменные старобурятские источники избилуют такого рода синтаксическими конструкциями, которые именуются как сложный синтаксический комплекс [1, 10].

Наиболее характерными синтаксическими сочетаниями, которые используются **при завершении сказок**, являются конструкции типа *Саран-Гэрэл Бадма хоёр нютагтаа бусажа, тэндээ ажана тайбан жаргажа хуудаг болобо* 'Вернулись на родину Саран-Гэрэл и Бадма, стали они жить спокойно, мирно и счастливо'; *Алтан-Хайша хаан боложо хуугаад, арад зоноо баяжуулжа, баярлуужа хууба* 'Алтан-Хайша став ханом, жила радовала народ, делала его богаче'; *Далан Худалшан аймшагтай дорюун баян хүнише мэхэлжэ, эзэд зөөришень, гал болон бусадынь абаад, гэр нютагтаа бусаа нэн* 'Далан Худалша обманул очень уверенного богача, забрал его имущество, огонь, вернулся к себе на родину'; *Тиигээжэ басаганайнгаа үгэдэ хаагдажа, Гүрэ Ранза хаанай хүбүүндэ басагаяа үгэн байна* 'Таким образом дочь поймала его на слове, и он (хан) отдал дочь замуж за сына Гүрэ Ранза хана'.

Как мы видим, в концовке бурятских сказок чаще всего подводится итог повествования, делается небольшой вывод или повествуется о том, какая счастливая жизнь была у персонажей после преодоления испытаний. Что касается языкового оформления концовки, то можно наблюдать использование слов типа *тиигээжэ/шигээжэ* 'таким образом', *тэрээнхээ хойшо / тэрэ гэхэнхээ хойшо* 'с тех пор', *гэдэг/гэлсэдэг* 'говорят (поговаривают)'.

В целом, подводя итог, можно заключить, что, как в большинстве сказок народов мира, в текстах бурятских сказок имеются специфические трафаретные синтаксические конструкции, которые обозначают зачин, основную часть и концовку текста сказок. Наибольший интерес вызывают языковые средства, которые выполняют функцию продвижения информации в текстах бурятских сказок, в составе которых выделяются местоимения и слова местоименного происхождения, инфинитные и финитные формы сказуемых, выраженные разными глагольными формами, частицы, а также слова и сочетания, отражающие определенный период повествования и смену действий в сюжете сказки. Кроме того, на наш взгляд, требуют дальнейшего лингвистического исследования языковые средства разворачивания и компрессии информации в текстах бурятских сказок.

Литература

1. Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 295 с.
2. Бочарникова А. С., Ерёмкина С. А. Использование сказки на уроках английского языка в средней школе // Филологический класс. 2017. № 2(48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-skazki-na-urokah-angliyskogo-yazyka-v-sredney-shkole> (дата обращения: 24.10.2020).
3. Бурятские народные сказки. Бытовые сказки / под общ. ред. Е. В. Баранниковой. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 1981. 446 с.
4. Дареева О. А. Сказка как учебный текст в процессе обучения детей дошкольного возраста бурятскому языку // Вестник БГУ. 2016. № 4. С. 135–142.

5. Нимаева И. Б. Культурологический подход в изучении бурятских сказок в национальной школе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskiy-podhod-v-izuchenii-buryatskih-skazok-v-natsionalnoy-shkole> (дата обращения: 24.10.2020).

6. Омакаева Э. У., Бадмаева С. С. Сказка как текст: структура и семантика (на материале сказок монгольских народов) // Молодежь в науке. Межрегиональная научная конференция молодых ученых: сборник научных трудов. Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2004. С. 75–85.

7. Селеева Ц. Б. Структура калмыцких богатырских сказок в свете морфологической теории В. Я. Проппа // Вестник Северо-Восточного федерального университета. Сер. Филология. 2017. № 4(60). С. 114–121.

8. Тарбаева Г. М. Бурятские народные сказки как средство формирования основ межкультурного общения младших школьников // Вестник БГУ. 2009. № 15. С. 238–344.

9. Цыренов Б. Д. Язык бурятских народных сказок: автореф. дис. ... канд. филол. наук; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2001. 21 с.

10. Шагдаров Л. Д., Бадмаева Л. Б. Изучение языка письменных памятников в Бурятии // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Филология, история, востоковедение. 2012. № 2. С. 171–174.

STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES ORGANIZATIONS OF THE TEXT OF THE BURYAT FAIRY TALES

© *Bairma D. Tsyrendorzhiyeva*

candidate of Philology, associate professor of the Buryat language and technique of teaching East institute of the Buryat state university

24 a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

bairma_11@mail.ru

Abstract. In article structural-semantic characteristic of the text of the Buryat fairy tales is considered. The author allocated funds of the organization of the text in terms of typical syntactic designs, means of interphrase communication registering structure of the Buryat fairy tale at the beginning, the main part and an ending of the text. Besides means of cohesion and also various language means which perform function of promotion of information in texts of the Buryat fairy tales are revealed: the pronouns and the words of pronominal origin, infinite and finite forms the skazumykh expressed by different verbal forms, particles and also words and combinations reflecting a certain period of the narration and change of actions in a fairy tale plot. The revealed characteristic structural-semantic signs of the Buryat fantastic text can be used when training children in the Buryat language. In particular, at development of creative abilities of students in producing texts of own composition, i.e. creation of secondary Buryat texts.

Keywords: structure of the Buryat fairy tale; organization of the text; means of interphrase communication; promotion of information.

Статья поступила в редакцию 26.10.2020, одобрена после рецензирования 13.11.2020, принята к публикации 24.12.2020.